

УДК 347.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-61-78>

Защита персональных данных пользователя сети Интернет после смерти

И. С. Алихаджиева¹ ✉

¹Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассматриваются проблемы, связанные с защитой персональных данных умерших граждан, в том числе размещенных в аккаунтах социальных сетей, на других онлайн-платформах, анализируется «право на забвение» в отношении личной информации о человеке после его смерти.

Цель исследования состоит в дополнении научных положений, направленных на углубление теории права о посмертной защите персональных данных человека, в том числе его цифровых активов, об удалении неактуальной и недостоверной информации в порядке правопреемства; в разработке предложений для устранения пробелов в гражданско-правовом регулировании цифрового наследства и «цифровой смерти».

Задачи: определить юридические средства защиты персональных данных человека и иной личной информации, размещенных в Глобальной сети, после его смерти; выявить недостатки действующего законодательства; актуализировать с учетом научных дискуссий правоведов предложения по совершенствованию охраны нематериальных благ этой категории граждан.

Методология. Для достижения теоретического и практического результата исследование проводилось с привлечением общенаучных и частнонаучных методов – диалектического, индукции и дедукции, анализа и синтеза, статистического, анализа судебной практики, формально-юридического, системно-аналитического и формально-логического методов.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной и законотворческий характер. Они включают предложения по разрешению проблем, связанных с защитой персональных данных умерших граждан, наследуемостью их виртуальных активов, в том числе аккаунтов в социальных сетях. Для преодоления пробелов в гражданском праве требуется легализация некоторых понятий (цифровое наследство, цифровые активы, «цифровая смерть»), признание в определенных случаях цифрового актива как виртуального имущества наследственной массой и др.

Вывод. С учетом зарубежного опыта российское законодательство по защите персональных данных, личной информации и цифровых активов человека после его смерти характеризуется правовой неурегулированностью и неопределенностью, устранять которую необходимо посредством модернизации норм Гражданского кодекса Российской Федерации, регулятивных законов и пользовательских соглашений.

Ключевые слова: персональные данные умершего; право на забвение; цифровое наследство; социальные сети; аккаунт; цифровая смерть; цифровой хранитель.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Алихаджиева И. С. Защита персональных данных пользователя сети Интернет после смерти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 61–78. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-61-78>

Поступила в редакцию 30.04.2024

Принята к публикации 31.05.2024

Опубликована 28.06.2024

© Алихаджиева И. С., 2024

Protection of personal data of Internet user after death

Inna S. Alikhadzhiyeva^{1✉}

¹Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article examines the problems associated with the protection of personal data of deceased citizens, including those posted on social media accounts, on other online-platforms, analyzes the «right to be forgotten» in relation to personal information about a person after his death.

The purpose of the study is to supplement scientific provisions aimed at deepening the theory of law on the posthumous protection of personal data of a person, including his digital assets, on the removal of irrelevant and inaccurate information in succession; in developing proposals to address gaps in civil regulation of digital inheritance and «digital death».

Objectives: to determine legal means of protecting personal data of a person and other personal information posted on the global network after his death; identify shortcomings of the current legislation; update, taking into account the scientific discussions of legal scholars, proposals for improving the protection of intangible benefits of this category of citizens.

Methodology. To achieve a theoretical and practical result, the study was carried out with the involvement of the of schenoscscientific and private scientific methods - dialectical, induction and deduction, analysis and synthesis, statistical, analysis of judicial practice, formal-legal, system-analytical and formal-logical methods.

The results of the study are of a theoretical-applied and legislative nature. They include proposals to resolve problems related to the protection of personal data of deceased citizens, the heritability of their virtual assets, including social media accounts. To overcome gaps in civil law, legalization of some concepts (digital inheritance, digital assets, «digital death») is required, recognition in certain cases of a digital asset as a virtual property by the hereditary mass, the introduction of a probate order, the appointment of a digital keeper, etc.

Conclusion. Taking into account foreign experience, Russian legislation on the protection of personal data, personal information and digital assets of a person after his death is characterized by legal unresolved and uncertainty, which must be eliminated through the modernization of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, regulatory laws and user agreements.

Keywords: personal data of the deceased; right to be forgotten; digital inheritance; social media; account; digital death; digital keeper.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Alikhadzhiyeva I.S. Protection of personal data of Internet user after death. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):61–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-61-78>

Received 30.04.2024

Accepted 31.05.2024

Published 28.06.2024

Введение

Право на защиту персональных данных¹, «право на забвение»² (право на

¹ В отличие от России право на защиту персональных данных конституциями европейских стран и Хартией Европейского Союза об основных правах признается самостоятельным. Так, Македония (ст. 18), Хорватия (ст. 37) и Словения (ст. 38) ввели отдельные

конституционные нормы о гарантиях защиты тайны персональных данных по примеру Хартии Европейского Союза об основных правах (Страсбург, 12.12.2007). См.: Журнал № С 202, 7.6.2016. С. 389.

² Такая формулировка используется не только юристами в научных публикациях, но и в решениях Конституционного Суда РФ. См.: Об отказе в принятии к рассмотрению

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(3):61-78

удаление информации личного характера), право на распоряжение онлайн-активами с личными сведениями в теории конституционного права исследователи относят к цифровым правам [1, с. 163]. Исходя из толкования ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152)¹, носителями персональных данных, набор которых индивидуален и может меняться в течение жизни, являются только физические лица. Как следует из ст. 3 ФЗ № 152, «информационный портрет» личности составляет любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. В отличие от зарубежного (Япония, Великобритания) [2, с. 1396] отечественный законодатель признает и умершего человека субъектом персональных данных, допуская их обработку. В то же время ФЗ № 152 как регулятивный акт со специальным предметом (персональные данные) однозначно не решает вопрос об исключении из оборота персональных данных человека после его смерти, если их опубликование, к примеру, не затрагивает какое-то из личных неимущественных прав покойного, хотя при жизни такое право у их обладателя имеется. Он устанавливает требование о получении согласия на обработку персональных данных у наследников умершего гражданина, однако не разрешает многие вопросы: все ли наследники должны его

давать, кто в отсутствие наследников должен выразить согласие, допустимо ли оно при обработке «чувствительных» данных [3, с. 21], к примеру, о судимости [4, с. 92] или нетрадиционной сексуальной ориентации и др. Нет юридического (законодательного) решения в специальном законе и ситуации, когда опубликована неактуальная или недостоверная информация, характеризующаяся как личная, в отношении умершего человека. Закон «о забвении» (о праве на удаление) (ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² (далее – ФЗ об информации)) позволяет только живому гражданину ставить вопрос о прекращении операторами поисковых систем выдачи ссылок на нее³.

В силу отсутствия правового регулирования вопросов, связанных с «информационным наследством», составляющим цифровую идентичность, актуализируется проблема посмертной защиты персональных данных умерших лиц. Требуется поиск правовых решений, позволяющих нивелировать проблему доступа наследников и иных заинтересованных лиц к аккаунтам умерших граждан с их персональной информацией, распоряжения ими, в том числе для прекращения неправомерной обработки чужих данных. Необходимость исследований, связанных с вопросами защиты

жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: определение Конституционного Суда РФ от 26 нояб. 2018 г. № 3087-О // Консультант Плюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 03.04.2024).

¹ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: [ред. от 06.02.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 03.04.2024).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: [ред. от 12.12.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.04.2024).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 03.04.2024).

персональных данных умерших пользователей и правопреемства наследниками и уполномоченными лицами их цифровых активов, подтверждается и экспертами, предупреждающими об использовании мемориальных учетных записей в социальных сетях злоумышленниками в преступных целях. Оставление цифровых активов умерших людей без должной юридической охраны, отсутствие единого образного регулирования их цифровой жизни чреваты несанкционированным доступом к содержимому аккаунта (появились платные услуги цифрового бессмертия). Аккаунты могут быть взломаны с целью завладения персональными данными для опорочивания репутации умершего, мошеннических операций или вымогательства. Неурегулированность в национальном праве вопросов, связанных с распоряжением цифровыми объектами, породила неопределенность статуса личной информации, включающей персональные данные, переписку, сведения о частной жизни после смерти человека, и ее цифрового существования. Изложенные обстоятельства и обусловили выбор научной проблемы исследования.

Методология

Для достижения необходимого теоретического результата в основу исследования были положены общенаучные и частнонаучные методы, обеспечившие системный подход к изучению проблемы защиты персональных данных человека в сети Интернет после его смерти. Посредством применения диалектического метода познания социальных явлений, индукции и дедукции, анализа и синтеза были получены объективные и достоверные результаты, основанные на изучении понятий «персональные данные», «цифровые права», «цифровой актив», «цифровое наследство», «цифровая смерть», «аккаунт» и др.

С помощью формально-юридического и формально-логического методов были изучены содержание и особенности

правового режима персональных данных умершего человека, право покойного «на забвение», состояние защиты личной информации создателя аккаунта в социальных сетях, мессенджерах, в почтовых сервисах после его смерти. Статистический метод был применен при работе со сведениями, характеризующими доступность мировому населению интернета, количество пользователей социальных сетей в мире и показателей мемориальных (памятных) страниц в Глобальной сети, для построения прогноза о развитии гражданского законодательства в этой сфере. На основе системно-аналитического метода, метода анализа судебной практики, формально-юридического и формально-логического методов были изучены решения по искам о защите персональных данных умерших граждан их наследниками. Посредством указанных методов была осуществлена и выборка научной литературы, описаны результаты и сформулированы авторские выводы и предложения законотворческого характера.

Результаты и их обсуждение

Стремительное развитие информационных технологий актуализировало вопросы защиты персональных данных физических лиц после их смерти, наследования (правопреемства) их цифровых ресурсов, авторских прав по цифровым произведениям, предоставления доступа к конфиденциальной информации умершего лица в интернете, не нарушающего его право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки [5, с. 88]. Правовое регулирование ситуаций, связанных с цифровой смертью, имеет ряд пробелов, а потому на уровне доктрины идет разработка отдельных аспектов этой проблемы. Исследователи предлагают разные варианты решения вопросов юридической защиты и распоряжения информацией, относящейся к уже умершим людям (персональные данные, сведения о частной жизни, личная или семейная

тайна, честь и достоинство, авторство произведений и др.). Каким же образом охраняются персональные данные и иная личная информация об умершем человеке, его частная жизнь? Какова судьба цифровых активов человека после его смерти? Чтобы ответить на эти вопросы, следует изучить действующее российское законодательство и сравнить его с зарубежным.

«Право на забвение» и защита персональных данных умершего человека

«Право на забвение», или право на защиту (удаление) информации о себе (right to be forgotten), в России толкуется двояко: и как личное неимущественное, производное от конституционного права на уважение частной жизни, и как способ защиты персональных данных их субъектом в цифровом пространстве [6, с. 167]. Статьей 10.3 ФЗ об информации оператору поисковой системы императивно (обязан) предписывается прекратить выдачу ссылок на страницы в сети Интернет с информацией о заявителе, если она распространяется с нарушением законодательства, или недостоверна, неактуальна, утратила значение для заявителя в силу каких-то событий или его действий¹. Как указано в Пояснительной записке к законопроекту, его предметом не является ограничение доступа к ресурсам, непосредственно распространяющим информацию о гражданине, а создание механизма прекращения выдачи поисковой системой ссылок на такую информацию².

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 03.04.2024).

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального

Исключение составляет информация о событиях, в которых усматриваются признаки состава преступления и не истекли сроки привлечения к уголовной ответственности, а также о преступлениях, по которым не снята или не погашена судимость. Другими словами, оператор должен удалить из результата поиска, сделанного по имени человека, ссылки, которые содержат устаревшую информацию или не соответствуют действительности [7, с. 293]. Исторически россияне получили это право после знаменитого решения Европейского суда по правам человека, который в 2014 г. признал нарушением выдачу ссылок на «неадекватную, не соответствующую или больше не соответствующую действительности» информацию [8, с. 90; 9, с. 189].

Судьи вынесли такое решение по делу гражданина Испании Марио Костеха Гонсалеса, который потребовал у международной поисковой системы Google удалить неактуальную информацию о проведении аукциона в связи с его долгами и аресте дома. По его мнению, оператор нарушил право на конфиденциальность и должен скрыть в результатах поиска персональные данные. Google ответила отказом, и Гонсалес обратился в испанский суд, принявший сторону заявителя. Google обжаловала решение суда в Верховный суд Испании, а тот инициировал дело в Европейском суде. Суд сослался на Директиву о защите данных 95/46/ЕС (ст. 7 (f)), которые обрабатываются поисковыми системами, впервые признав, что принципы защиты персональных данных действуют и в отношении публикации результатов поисковых систем³. На основании ст. 7 «Уважение

кодекса Российской Федерации: пояснительная записка к законопроекту № 804132-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/804132-6> (дата обращения: 21.04.2024).

³ Google проиграл дело в суде ЕС о защите персональных данных // Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/news/257113=1w3i>

частной и семейной жизни» и ст. 8 «Защита персональных данных» Хартии основных прав Европейского союза суд постановил: контролер данных (Google) нарушил эти права Гонсалеса. Дело Гонсалеса послужило закреплению права субъекта персональных данных на удаление информации о себе в Общем регламенте по защите персональных данных (General Data Protection Regulation, далее – GDPR) (ст. 17). Несмотря на оговорку в преамбуле о действии регламента по новым правилам только в отношении персональных данных живых людей, этот документ предоставил странам-членам ЕС возможность принять свои правила обработки интернет-ресурсами и компаниями личной информации человека после смерти¹.

Ссылаясь на результаты исследования зарубежного права, проведенного Д. С. Богуславским и И. В. Смирновой, можно выделить подходы, которые использует иностранный законодатель в отношении права умерших «на забвение». Он устанавливает срок, в течение которого могут обрабатываться данные о человеке после смерти (в Венгрии – 5 лет, в Дании – 10 лет); срок действия согласия наследников и других заинтересованных лиц (10 лет в Эстонии и Словакии); право составить распоряжение о своих персональных данных на случай

смерти (Франция, ФРГ); право наследников после смерти субъекта запросить персональные данные, если не было запрета на передачу со стороны умершего или нет противоречий закону (Италия, Испания). Другими словами, если европейские государства безусловно охраняют приватность живого человека, то правила по удалению информации об умерших вариативны, обусловлены особенностью национальной правовой системы и исходят из приоритета общества в публичном доступе к сведениям об умершем. По этой причине многие страны не вводят специальные нормы в отношении права умерших на удаление информации, а руководствуются положениями GDPR и нормами о личных неимущественных правах (по данным Д. С. Богуславского и И. В. Смирновой, это Австрия, Швеция, Португалия, Чехия, Нидерланды [10, с. 36–38]).

В юридической литературе справедливо указывается, что формулировка ст. 10.3 ФЗ об информации не содержит ответа, могут ли родственники умершего или иные заинтересованные лица инициировать обращение к оператору за удалением из поисковых запросов информации об умершем человеке, а потому толкование может быть буквальным или расширительным, с аналогией закона и без нее [10, с. 39]. И действительно, исходя из содержания п. 2 ст. 10.3 ФЗ об информации о требовании заявителя, включающего его персональные данные (почтовый, электронный адрес, номер телефона) и согласие на обработку персональных данных, очевидно, что подателем заявления об удалении ссылок может быть живой гражданин (физическое лицо), и спорная информация касается живых людей. Подтверждает этот вывод и анализ оснований прекращения выдачи ссылок, не могущих применяться к умершему человеку, одно из которых – утрата значения информации для гражданина. Российский аналог «права на забвение» не упоминает других лиц как заявителей для

7iuqdi616139073 (дата обращения: 21.04.2024).

¹ О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных: регламент (EU) 2016/679 от 27.04.2016 // OGDPR: сайт. URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679>; О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования уголовных преступлений, ведения розыскных или судебных действий или исполнения уголовных наказаний, а также за свободное перемещение таких данных: директива (EU) 2016/680 от 27.04.2016 // OGDPR: сайт. URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-680> (дата обращения: 21.04.2024).

удаления ссылок в интересах умерших, что следует понимать не иначе, как пробыл правотворца. Он пошел своим путём и сформулировал оригинальную модель нормы, отличную от европейской судебной практики, которая в сравнении с ФЗ № 152 не предусматривает удаления или сокрытия устаревшей или неправомерной информации о покойном человеке. Запросить удаление (закрытие доступа на выдачу ссылок) может живой человек и только в отношении себя. Именно потому наследники, другие заинтересованные лица для удаления ложной информации не могут использовать ст. 10.3 ФЗ об информации, а ссылаются на нормы ГК РФ. Так, в иске, рассмотренном Свердловским областным судом, удовлетворившем требование об удалении видеозаписи ДТП матери погибшего, в которой ее сына обвинили в аварии, заявлялось требование о защите чести и достоинства¹.

Другим способом защиты персональных данных и информации о частной жизни умершего человека является обращение в Роскомнадзор. От лица родственников или иных заинтересованных лиц ведомство обращается в суд с иском о признании деятельности веб-сайтов и интернет-страниц, публикующих конфи-

денциальную информацию (персональные данные) умершего, незаконной².

В то же время смерть человека – субъекта персональных данных не отменяет действие ФЗ № 152 вопреки ч. 2 ст. 17 ГК РФ о прекращении правоспособности со смертью. По ст. 9 согласие на их обработку, если его не было при жизни, дают наследники. В то же время критики этой нормы закона № 152-ФЗ справедливо обращают внимание и на нерешенность многих вопросов о защите персональных данных человека после его смерти: кто до вступления в наследство распоряжается персональными данными покойного; как осуществляется защита при отсутствии всех (по закону и по завещанию) наследников; есть ли количественный показатель наследников, голоса которых должны учитываться; могут ли наследники давать согласие на обработку «чувствительных» и специальных персональных данных (интимная жизнь, судимость, вероисповедание) и др. [3, с. 20]

Оживленная дискуссия вокруг необходимости в «праве на забвение» умершего разделила ученых по содержанию аргументов на две группы. В попытке убедить в его ценности сторонники говорят о потребности снизить риски негативного вмешательства в частную жизнь человека посредством компрометирующей информации. Напротив, противники легализации этого права полагают, что оно ущемляет свободу выражения мнений и доступа к информации, позволит «приукрасить» свое прошлое, переписать биографию, а также исказит статистику, научные и исторические исследования, чем повлияет на архивную работу специалистов и толкование исторических событий [8, с. 90]. К тому же положения ГК РФ

¹ Истец указал, что в телесюжете его сын неоднократно назван водителем автомобиля, виновным в ДТП, в результате которого наступила смерть не только сына истца, но еще двух людей, но сын истца автомобилем не управлял, указанные фразы порочат его честь и достоинство, поскольку фактически обвиняют его в совершении преступления. См.: О признании не соответствующими действительности сведений, содержащихся в телесюжете, об обязанности опровергнуть данные сведения, удалить видеозапись из сети Интернет, о взыскании компенсации морального вреда: апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.07.2018 по делу № 33-10295/2018 // Консультант Плюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 03.04.2024).

² Решение Обнинского городского суда Калужской области от 24.12.2020 по делу №2-1238/20 // N-ПДН: сайт. URL: https://n-pdn.ru/judicial/content/razmeschenie-na-sayte-personalnih-dannih-umershego-i-ego-rodstvennikov/?ysclid=lwn32_gvdap39067703 (дата обращения: 25.04.2024).

(ст. 150) о нематериальных благах позволяют родственникам или наследникам, иным заинтересованным лицам защитить добрую память умершего, если умаляются его честь и достоинство, репутация, нарушаются приватность частной жизни, личная или семейная тайна, имя гражданина (а все потому, что «право на забвение» по своему смыслу есть право на удаление информации о личности).

Следует согласиться с теоретиками в том, что гражданское законодательство предусматривает возможность защиты частной жизни, личной и семейной тайны, изображения, чести и достоинства как нематериальных благ человека после смерти по «правилу преемства», если обработка личных сведений (персональных данных), характеризующих умершего, была неправомерной. Сбор, хранение, распространение и (или) использование личных данных судами при их незаконности оцениваются как нарушение права на уважение (неприкосновенность) частной жизни. Вместе с тем, вопреки аргументам «против», укажем, что в условиях стремительного развития высоких технологий и масштабирования границ цифрового мира следует прогнозировать перспективу признания «права на забвение» одним из общечеловеческих прав XXI в., а потому механизм его действия должен быть обдуман законодателем. «Право на забвение» умершего как нематериальное благо должно подлежать специальной защите по аналогии с персональными данными, что корреспондирует с ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции о праве *каждого* (а не живого) на неприкосновенность частной жизни. Человек сам должен решать, что о нем будут «помнить», это его «право на добрую память» [11, с. 41]. В этом смысле следует поддерживать юристов-специалистов по гражданскому праву, предлагающих регламентировать в ГК РФ «право на забвение» как неимущественное благо, «четко установив условия практической реали-

зации данного правомочия» [12, с. 259–260].

Другим правотворческим решением, которое приумножит действенность защиты чести и достоинства, доброго имени умершего, его частной жизни, изображения и др., может быть новелла о праве наследников на обращение к оператору поисковой системы в соответствии со ст. 10.3. Закона об информации. Их запрет на поисковую выдачу указателя страницы сайта в сети Интернет, где содержится неактуальная или недостоверная информация о покойном, действиях или событиях с ним связанных, сделает более эффективным инструмент ее исключения из общего доступа [6, с. 167; 10, с. 38;]. Несмотря на гражданско-правовые способы охраны некоторых нематериальных благ человека после его смерти, описанная в ст. 10.3 Закона об информации процедура защиты в том числе персональных данных более «полная и своевременная», на что указывали разработчики законопроекта в пояснительной записке. В этой же норме, в ст. 10.3 Закона об информации, как представляется, следует ввести положение о взыскании морального вреда в пользу наследников умершего в случае незаконной обработки его персональных данных, о чем пишут авторы [3, с. 21]. В работах исследователей на эту тему предлагаются и другие новеллы (предоставление документов, подтверждающих заинтересованность заявителя) для «достижения целей введения этой нормы и снижения риска появления неединообразной судебной практики» [10, с. 40].

Аккаунт умершего пользователя в социальных сетях

Информационный век с его высокими технологиями обусловил участие современного человека во множестве онлайн-коммуникаций, среди которых взаимодействие в социальных сетях. Как верно подмечает Е. А. Войниканис, социальные сети – это «сетевые места скопления адресатов рекламы, продуктов и

услуг», формирующие аудиторию [13, с. 108]. Используя эту платформу, пользователь оставляет свои личные данные, переписывается с другими людьми, может публиковать свои работы или авторские произведения и др. Согласно отчету Social Media Users (Global Data & Statistics), на 01.01.2024 пользователями социальных сетей во всем мире являются 5,17 млрд человек, что составляет 63,82% от всего населения планеты. Ежегодный прирост аккаунтов на этих площадках в среднем составляет 9,6%. По прогнозам аналитиков из сферы ИТ, к 2027 г. число учетных записей в онлайне должно увеличиться до 5,85 млрд¹. Вместе с ростом пользователей этих ресурсов увеличивается количество аккаунтов, принадлежащих умершим людям. Эти страницы, как верно отмечают ИТ-специалисты, «память, поскольку там остаются мысли человека, фотографии, то есть информация о его жизни. Это своего рода виртуальный памятник этому человеку, который позволяет друзьям и родственникам вспоминать его»². В то же время, по подсчетам экспертов, через 50 лет число «живых» аккаунтов станет меньше, чем тех, что принадлежали умершим людям. Прогнозируется цифра «мертвых» профилей в 1,4 млрд.

Данные, которые хранит личный аккаунт умершего, с точки зрения гражданского права могут содержать результаты его интеллектуальной деятельности (рисунки, рилсы, стихи), быть цифровым активом. У современного «человека информационного» огромные объемы информации находятся в мессенджерах, об-

личных хранилищах, в личных кабинетах на сайтах. В связи со смертью человека возникают не только вопросы получения наследства, выраженного в физическом имуществе, но и, к примеру, наследования цифровой собственности, профиля умершего, могущего иметь материальную ценность, защиты личных данных покойного, в том числе когда он не оставил паролей и логинов от своего аккаунта с информацией о своей жизни³. Цифровое наследство может включать не только аккаунты в соцсетях, но и профили в интернет-магазинах, переписку в мессенджерах, свой блог, в которых содержатся персональные (биометрические) данные, изображение, голос, которые дороги близким ушедшего⁴. Эти виды информации регулируются разными правовыми режимами, а потому возникает юридический конфликт при желании близких получить доступ к личному профилю в случае смерти его создателя, оформить его как цифровой мемориал [5, с. 88].

Как и с «правом на забвение» умерших, отечественный законодатель устранился от решения вопросов, связанных с цифровым существованием аккаунтов после смерти их владельцев. Не предусмотрено законом и получение родными умершего человека цифрового наследства, поскольку не определен его предмет или точный список наследуемых интернет-данных. Эта сфера законом практически не урегулирована, а потому аккаунты, зарегистрированные в Глобальной сети, имуществом не признаются и не наследуются. А между тем в мировой практике имеются законодательные при-

¹ Статистика социальных сетей в мире (июнь 2024) // Инклиент: [сайт]. URL: <https://incli.ru/global-social-networks-stats/?ysclid=lw3qqrcinj995020719> (дата обращения: 27.04.2024).

² Вечная память: как сохранить и защитить от взлома аккаунты умерших в соцсетях // Миртесен: [сайт]. URL: <https://mt.newizv.ru/blog/43590407616/Vechnaya-pamyat-kak-sohranit-i-zaschitit-ot-vzloma-akkauntyi-ume> (дата обращения: 25.04.2024).

³ Цифровое завещание: кому переходят аккаунты после смерти владельца // Газета.ru: сайт. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/18/13561352/digital_will.shtml?update (дата обращения: 22.04.2024).

⁴ Что происходит с цифровым следом человека после смерти // РБК: сайт. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6295dbe39a794721003f8656?from=copy> (дата обращения: 15.04.2024).

меры наследования интернет-данных и цифровых аккаунтов. А. Л. Романова, изучив зарубежный опыт, приводит правовые акты ряда государств, содержащих правила распоряжения объектами, выраженными в цифровом формате, принадлежавшими умершему человеку. Согласно ее компаративистскому исследованию, в испанской Каталонии Акт «О цифровом наследнике» одобрил включение виртуальной собственности в наследственную массу, для чего наследодатель может составить завещание. При этом действует оговорка: при противоречии виртуальных и письменных распоряжений покойного учитывается второе [14, с. 212].

Во Франции Законом № 2016-1321 «О цифровой республике» человек наделен правом распоряжения персональными данными, в том числе опубликованными им в интернете, в порядке завещательной воли по их судьбе, что обязывает поставщиков онлайн-услуг и доверенных лиц выполнить волю умершего. А в эстонском законе о защите персональных данных владелец цифровых активов может оставить распоряжение ими при жизни, а действовать оно будет десять лет после его ухода. Причем защищать персональные данные умершего, его цифровое существование и виртуальное наследство могут только правопреемники [14, с. 212]. В 2014 г. законом § 5002 штат Делавэр в США первым внес поправку в раздел 12 своего кодекса, признав контент в соцсети цифровым активом. Ею разрешается цифровое наследование личных кабинетов в онлайн-сервисах (магазины, службы доставки, транспортные компании) и страниц в социальных сетях, принадлежащих умершим гражданам. Поправкой была сформулирована дефиниция цифрового актива и составлен перечень полномочий доверенных лиц относительно онлайн-наследства. Законодатель штата исходил из понимания виртуального аккаунта как обычного документа, подлежащего

наследованию, и эта практика в порядке унификации была распространена и на другие штаты [15, с. 524].

По сообщениям газеты “Suddeutsche Zeitung”, в 2018 г. Верховный суд ФРГ приравнял аккаунт в Facebook*¹ к фотоальбомам, письмам, личным дневникам и разрешил его наследование. Рассмотрев дело по заявлению отца и матери погибшей девочки, суд в своем решении от 12 июля 2018 г. III ZR 183/17 указал, что цифровой актив (аккаунт) и личное его содержание не подлежат дифференциации, поскольку нет оснований толковать онлайн-контент иначе, чем как предмет наследства. Де-юре архив дочери был признан цифровым наследством и приравнен к материальному. Сославшись на ст. 1922 Германского гражданского уложения о правилах наследования, суд признал пользовательское соглашение между соцсетью и умершей контрактом, который перешел к наследникам. По мнению суда, наследники, кому открывается доступ к личным записям умершей, не являются посторонними лицами владельце аккаунта². Изучив опыт Швеции, Е. А. Абросимова, Э. В. Власенко также отмечают юридическое признание аккаунта имуществом, которое наследуется, однако решение принимает судья, исходя из пользовательского соглашения умершего с социальной сетью [16, с. 455].

Правила цифровой смерти профилей владельцы российских социальных сетей и прочих электронных площадок устанавливают сами, не оговаривая передачу кому-то данных в случае смерти зарегистрированного в сети участника, и запрещают доступ к учетным записям покойных. К примеру, в Правилах пользо-

¹ Facebook принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России.

² В Германии признали аккаунты в соцсетях цифровым наследством // RTVI: сайт. URL: <https://rtvi.com/news/v-germanii-priznali-akkaunty-v-sotssetyakh-tsifrovym-naslediem/> (дата обращения: 24.04.2024).

вания сайтом «ВКонтакте» нет информации о судьбе аккаунта умершего человека. В ответе соцсети по запросу автора говорится, что его можно удалить либо ограничить доступ, сохранив как память (режим «консервации» для близких). После обращения в службу техподдержки при публикации неприемлемых материалов посторонними людьми можно ограничить доступ или закрыть профиль в режиме приватности (с просмотром сохраненных материалов). «ВКонтакте» разъяснил, что принять меры к аккаунту умершего можно только на основании необходимых документов, а на профиле появится метка «Страница умершего человека». В другой отечественной соцсети «Одноклассники» действуют те же нормы – родственники принимают решение или о переводе страницы в памятную (изображение с черно-белой лентой с доступом только друзьям), или о режиме сокрытия аккаунта для участников соцсети. Для этого в теме обращения «Человек ушел из жизни» заявитель направляет в техподдержку фото свидетельства о смерти и ссылку на профиль умершего. Обе платформы не предоставляют доступ даже доказавшим свое родство людям к аккаунтам умерших граждан: провайдер самостоятельно выполняет нужные действия с учетной записью (и в этой связи Е. А. Абросимова, Э. В. Власенко верно ставят вопрос о неясности правовой квалификации действий тех лиц, которые используют логин и пароль умершего родственника, пользуются его страницей, не сообщая о смерти оператору соцсети [16, с. 459]).

Напротив, с 2013 г. в американской соцсети Facebook* (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России) правила существования и закрытия профиля человека, которого нет в живых, установлены в момент регистрации. Они предусматривают указание на хранителя аккаунта и его действия после смерти его создателя (удаление, измене-

ние фотографии, публикация прощального сообщения). При этом владелец онлайн-страницы оформляет завещание или иной документ той же юридической силы с согласием на раскрытие его контента. Думается, что сами действия, которые предлагают провайдеры социальных сетей в отношении судьбы аккаунта умершего пользователя (только как дань памяти о нем с присвоением мемориального статуса), свидетельствуют о непризнании его имуществом. Аккаунт ушедшего из жизни человека аккумулирует его персональные данные, информацию о частной жизни человека, его переписку, а потому приоритетом провайдера является соблюдение законодательства об их защите после смерти¹.

Российский законодатель и суды как правоприменители не смогли определиться и в вопросе правовой природы виртуального контента (аккаунта в социальной сети, переписки и личных материалов в нем, персональных (биометрических) данных, онлайн-игр и др.). Правда, правотворец ввел в трех частях кодекса категорию «цифровые права» (ст. 128 «Объекты гражданских прав», 141.1 «Цифровые права» ГК РФ), а судебной практике известны единичные решения по признанию цифрового актива имуществом².

Проблема правовой квалификации учетной записи в социальных сетях и других цифровых активов приобретает все большую значимость, и вот почему.

¹ Как устроено цифровое кладбище Facebook*? (*принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России) // Инфобезопасность: сайт. URL: <https://infobezopasnost.ru/blog/news/kak-ustroeno-tsifrovoe-kladbishhe-facebook/> (дата обращения: 19.04.2024).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017 // Консультант Плюс: сайт. URL: <https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/> (дата обращения: 03.04.2024)

Ее актуализируют не только масштабы доступа человечества к онлайн-площадкам. Происходит коммерциализация аккаунта («бизнес-аккаунты»), когда он становится платформой для творчества, продажи услуг (тренинги), интернет-магазином, в который вкладываются денежные средства, хранилищем денег (криптовалюта, электронные), купленных за безналичные деньги цифровых копий книг, музыкальных альбомов, игр, криптовалюты и др. (цифровые покупки). И тогда возникает вопрос не только о потребительских свойствах интернет-аккаунта, когда человек пользуется сервисами и контентом соцсети, а с учетом возрастающей функциональности – его условной «стоимости», приносящей огромному числу «живых пользователей», прежде всего, медийным людям, высокие доходы. И в этом значении любой актив в цифровой (электронной) форме, обладающий материальной (коммерческой) ценностью, как иное имущество может быть признан новым объектом гражданского оборота, а значит подлежащим включению в наследственную массу для его передачи родным и близким.

Специалисты, изучившие вопрос наследования аккаунтов в социальной сети, полагают, что проблема перехода прав умершего пользователя в отношении учетной записи к наследникам порождена неурегулированностью в правилах социальных сетей условия о наследовании аккаунта. Так, А. В. Копьев указывает на то, что причина сложности в получении наследниками доступа к личной онлайн-информации после смерти пользователя не в том, что нет положения о наследовании такой информации, а потому что само соглашение социальной сети и пользователя не допускает наследования аккаунта [17, с. 71]. По мнению второй группы авторов, пользователь при регистрации сам выбрал условия для учетной записи без доступа кого бы то ни было к нему, что и означает его отказ на

посмертное владение или распоряжение оставшимся ресурсом. Другими словами, регулирование судьбы цифрового ресурса предлагается отдавать на откуп пользовательским соглашениям, в которых по-разному, крайне отлительно, прописаны правила пользования интернет-платформами [18, с. 25; 19, с. 38].

Полагаем, как и многие публицисты, что в современной реальности аккаунты должны получить статус объекта цифрового права для защиты права наследников и наследодателей, в том числе на добрую память о покойном родственников и других близких лиц. Для этого юристы предлагают определиться с тем, что представляет собой цифровой феномен учетной записи, ведь проблема наследования страниц в социальных сетях обусловлена их непризнанием объектом гражданских прав. Так, М. М. Панарина, анализирувшая понятие «аккаунт в социальных сетях» через гражданско-правовые категории («база данных»¹, «запись на сервере собственника соцсети», «договор (соглашение с организатором соцсети)»), пришла к выводу о смешанной его природе. По ее мнению, сам

¹ К примеру, «ВКонтакте» предъявило иск о защите исключительного смежного права на базу данных пользователей соцсети к ООО «Дабл» как разработчику скоринговых программ. В своем постановлении Девятый арбитражный апелляционный суд признал действия ответчика по извлечению и последующему использованию информационных элементов из базы данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» нарушением исключительных прав истца как изготовителя базы. См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2018 по делу № 09АП-61593/2017-ГК // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OkUD2e9M1PU8/?ysclid=lwja4c5zpx320026465> (дата обращения: 25.04.2024); Брезгулевская Л. В. Контакте & Дабл: дело о запрете продажи данных пользователей базы данных соцсети // Закон.ру: сайт. URL: <https://zakon.ru/blog/2018/7/12/> (дата обращения: 25.04.2024).

наследодатель должен иметь возможность в лицензионном соглашении распорядиться о передаче права на пользование его интеллектуальной собственностью (при наличии), о сокрытии какой-то информации от наследника и действиях с его персональной страницей [20, с. 27–28]. Е. А. Абросимова и Э. В. Власенко считают неоднозначным такое понимание аккаунта, полагая, что у него недостаточно необходимых свойств для включения в наследственную массу. В то же время авторы признают, что решение этого вопроса – прерогатива законодателя и пользовательских соглашений, а ему, законодателю, они предлагают дополнить часть 4 ГК РФ ст. 1128.1 «Завещательные распоряжения аккаунтами в социальных сетях» (по аналогии с банковским завещанием) [16, с. 456]. Для легализации цифрового наследства А. А. Бордюговская видит возможным изменить ст. 128 ГК РФ в части конкретизации понятия «иное имущество» и ввести новую гражданско-правовую категорию «право на доступ к информации» как разновидность имущественных прав. В ст. 1112 ГК РФ, по ее мнению, следует оговорить основания наследования цифровых прав [21, с. 112].

Электронная почта, мессенджеры, мобильные устройства и облачные хранилища с персональными данными и другой личной информацией умершего человека

В отечественном законодательстве нет никаких положений относительно получения данных с электронной почты умерших граждан, телефонов, мессенджеров и других цифровых хранилищ по накоплению информации. Каким же образом можно получить доступ к личной информации умершего человека из мобильных устройств, мессенджеров, в электронной почте и в облачных хранилищах в России и за рубежом? При сравнении правил посмертного распоряжения аккаунтами и иными цифровыми площадками, которыми пользовался умер-

ший, очевидно, что службы электронной почты, производители мобильных устройств и мессенджеров избрали другие подходы. По свидетельству М. М. Панариной, каких-то инструкций в отношении содержания электронных почтовых ящиков в России (Яндекс.ru, mail.ru), если их владельцем был ушедший из жизни человек, нет. Почтовые сервисы предусматривают автоудаление ящиков в случае, если они не использовались в течение определенного времени [20, с. 28]. И действительно, «Яндекс» блокирует доступ и к e-mail умершего, и к его личным данным в своих сервисах. При обращении родственников или близких со свидетельством о смерти почтовый адрес удаляется, а при его неактивности удаление произойдет через два года. Те же правила и у сервиса Mail.ru, а срок бездействия электронной почты составляет шесть месяцев. В мессенджерах WhatsApp и Telegram доступ к аккаунту и переписке умершего не предоставляется, что соответствует политике конфиденциальности этих платформ. Они содержат отсылку к ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» УК РФ [21, с. 109].

По данным А. Л. Романовой, штат Коннектикут в США принял Акт о доступе к учетным записям электронной почты умерших [14, с. 212]. При этом американская транснациональная корпорация Apple в новых версиях телефонов (iOS) и макбуков (macOS) предусмотрела новую опцию «Цифровой наследник» (до активации в настройках «Пароль и безопасность» она отключена). Владелец гаджета с облачным хранилищем (iCloud) могут быть назначены до пяти наследников, выбор которых происходит из списка контактов. Причем они не обязательно должны состоять в родстве, но минимальный возраст ограничен тринадцатью годами. Он нигде не оговаривается специально, но таким является нижний порог возраста для создания учетной запи-

си. Наследнику далее передается ключ – либо комбинация из 88 символов, либо QR-код. И тогда после смерти наследодателя его облачный сервис будет доступен лицам, выбранным наследниками. Им не нужно обращаться к нотариусу, а следует создать заявку на сайте компании Apple или написать в службу поддержки с приложением свидетельства о смерти владельца учетной записи и ключа доступа (он генерируется при назначении наследника). Интересно, что содержимое оригинальной учетной записи (Apple ID) умершего отключается, а наследник на три года получает доступ к истории звонков, заметкам, почте, контактам, списку для чтения, закладкам, резервной копии, медицинским данным в приложении «Здоровье». По правилам Apple не передаются близким и родственникам – наследникам платежные данные платежей, покупок в приложениях и платные подписки, а также привязанные карты (Apple Pay). По истечении трех лет все данные из учетной записи безвозвратно удаляются¹.

В аккаунте Google можно воспользоваться опцией «На всякий случай» с назначением наследника, которая начинает действовать, если учетная запись перестала быть активной. Владелец сам может настроить режим активности на срок от трех месяцев до года. Google позволяет определить наследниками до десяти человек и выбрать, какая информация об активности во всех сервисах компании будет открыта и какому именно из названных наследников. Если эта функция не была подключена, то действует тот же порядок, что и в компании Apple: обращение через специальную форму в техподдержку Google со свидетельством о смерти и указанием паспортных данных.

¹ Как завещать аккаунты в соцсетях и цифровые покупки? // Тинькофф Журнал: сайт. URL: <https://journal.tinkoff.ru/live-and-die-in-web> (дата обращения: 25.04.2024).

Выводы

На сегодняшний день пользовательские соглашения при регистрации новых учетных записей в российских и зарубежных социальных сетях содержат информацию о судьбе аккаунта в случае смерти его создателя. При этом каждая онлайн-платформа предусматривает свой порядок цифрового существования персональной страницы пользователя после его биологической смерти. Думается, из-за популярности коммуникационных интернет-ресурсов правило социальных сетей о цифровом бессмертии посредством сохранения памятного мемориала умершего пользователя через какое-то время будет исключено, поскольку приведет к доминированию в Глобальной сети «мертвых» страниц. Вне зависимости от юрисдикции социальной сети в большинстве государств мира, как и в Российской Федерации, нет юридических норм, разрешающих правопреемство указанного цифрового актива в порядке наследования. Недопуск родных и близких к учетным записям их создателя выступает проявлением защиты со стороны провайдеров персональных данных умершего, его частной жизни и приватности переписки. Исключением являются отдельные страны, законодательство которых регулирует вопрос наследования аккаунта и других цифровых активов. Мировой тенденцией является разрешение вопросов наследования личных аккаунтов на онлайн-платформах и защиты персональных данных и частной жизни умерших в Глобальной сети только судебными органами. Под давлением сформировавшейся судебной практики и в связи с коммерциализацией учетных записей в соцсетях, когда аккаунты становятся средством заработка шоуменов, блогеров, артистов, вполне прогнозируемы новеллы в национальном законодательстве и в пользовательских соглашениях (так называемое «мягкое» право). Думается, они будут более детально регламентировать вопросы цифровой жизни личности после

смерти, цифровой смерти, не одновременно с биологической, и цифрового наследства.

Для разрешения правовой неопределенности в этой сфере полагаем необходимой (вслед за специалистами и практиками) выработку единого подхода в отечественной юриспруденции в отношении персональных данных умерших лиц, их аккаунтов и другого цифрового следа после смерти человека. В этих целях представляется необходимым конкретизировать понятия «цифровое наследство», «аккаунт в социальной сети», «право на доступ к информации» ввиду разного их понимания в теории и практике и закрепить четкий механизм наследования интернет-активов. Если признать аккаунт виртуальным имуществом по признаку его коммерческой ценности или как базы данных, тогда речь можно вести и о его признании «иным имуществом». Вполне реализуема идея с электронным завещанием с назначением наследника (цифрового хранителя), который будет надеяться обязанностью защищать цифровые активы умершего и (или) управлять ими. В этом смысле следует поддержать модернизацию ГК РФ с его дополнением нормой о завещательном распоряжении в отношении виртуальных ресурсов, распространив ее действие не только на профили в социальных сетях, но и в отношении прочих сервисов (почта, мессенджеры, облачные серверы, криптова-

лютные, электронные платежные сервисы, стриминговые и видеоигровые, домены, веб-страницы, личные блоги и др.), также хранящих персональные данные, фотографии, файлы с интеллектуальной собственностью, электронные деньги, цифровое имущество и др. Дальнейшему осмыслению наукой подлежат вопросы наследования интеллектуальных прав умерших, оставивших свой цифровой след в творчестве, в науке, и цифрового бессмертия или цифровой смерти, когда наследодатель выразил желание сохранить или уничтожить информацию о себе.

Правотворцу следует предложить регламентировать в ГК РФ и такое личное неимущественное право, как «право на забвение» в отношении неактуальной или недостоверной информации об умершем человеке. Новелла будет востребована в том числе для оперативной защиты нематериальных благ умершего, сокращения нагрузки на суды. В этом смысле возможно законодательное дополнение ст. 10.3 Закона об информации в части наделения наследников, детей, пережившего супруга, родителей и иных заинтересованных лиц (по аналогии со ст. 152, 152.1, 152.2 ГК РФ) правом на отправку запроса об удалении негативной или любой другой информации об умершем – ложной, утратившей свою актуальность.

Список литературы

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 5. С. 141–167.
2. Молчанов С. В., Нехайчик В. К. Обеспечение конфиденциальности информации в России и некоторых зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование // Право и политика. 2008. № 6 (102). С. 1395–1400.
3. Кучеренко А. В. Особенности обработки персональных данных лица в случае его смерти // Информационное право. 2011. № 2. С. 20–22.
4. Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменительно информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 91–106.

5. Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1. С. 86–101.
6. Волкова Г. Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 2. С. 165–171.
7. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 290–300.
8. Чуб Е. С. Право на забвение: новое право человека? // Цифровое право. 2022. Т. 3, № 4. С. 89–106.
9. Пашенко И. Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 4. С. 189–192.
10. Богуславский Д. С., Смирнова И. В. «Право на забвение» в сети «Интернет» после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 35–42.
11. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.
12. Шергунова Е. А. Право на забвение как личное право физического лица // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова / отв. ред. В. В. Богдан; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 255–261.
13. Войниканис Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2014. 821 с.
14. Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «цифровую смерть» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 4 (92). С. 211–217.
15. Гурковская М. И. Наследование аккаунта: проблемы и перспективы развития // Научный аспект. 2020. Т. 4, № 2. С. 523–527.
16. Абросимова Е. А., Власенко В. Э. Наследование аккаунтов в социальных сетях в Германии и Швеции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 2. С. 452–468.
17. Копьев А. В. Цифровое наследство // Актуальные проблемы частного и публично-го права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград: Волгоград. акад. МВД России, 2020. С. 71–73.
18. Лазаренкова О. Г. К вопросу о цифровых правах, а также цифровой учетной записи в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2019. № 3. С. 24–27.
19. Яценко Т. С. Проблемы гражданско-правового регулирования посмертного использования нематериальных благ // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 7. С. 35–46.
20. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 27–28.
21. Бордюговская А. А. Проблемы наследования цифрового имущества // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 107–113.

References

1. Varlamova N.V. Digital rights – a new generation of human rights? (end). *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(5):141–167. (In Russ.)
2. Molchanov S.V., Nekhaichik V.K. Ensuring confidentiality of information in Russia and some foreign countries: comparative legal research. *Pravo i politika = Law and politics*. 2008;(6):1395–1400. (In Russ.)
3. Kucherenko A.V. Features of the processing of personal data of a person in the event of his death. *Informacionnoe pravo = Information law*. 2011(2):20–22. (In Russ.)
4. Alikhadzhiyeva I.S. Private life, personal secret or personal data: how to interpret information to a law enforcement officer? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(2):91–106. (In Russ.)
5. Danilov N.A., Silkin V.V. Legal regulation of access to information of the Internet user after his death: comparative legal research. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*. 2021;(1):86–101. (In Russ.)
6. Volkova G.E. Judicial protection of the «right to oblivion» in modern Russia: questions of theory and practice. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. 2022(2):165–171.
7. Podrabinok E.M. Features of the exercise of the right to oblivion in the era of digitalization of society. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*. 2019;(2):290–300. (In Russ.)
8. Chub E S. The right to be forgotten: a new human right? *Cifrovoe pravo = Digital law Journal*. 2022;3(4):89–106. (In Russ.)
9. Pashchenko I.Y. The right to be forgotten: foreign and Russian experience in legal regulation. *Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal = Science. Thought: Electronic periodical journal*. 2016;(4):189–192. (In Russ.)
10. Boguslavsky D.S., Smirnova I.V. “The right to oblivion” on the Internet after the death of a citizen: foreign approaches and the possibility of implementation in Russia. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam = Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2019;(24):35–42. (In Russ.)
11. Gavrilov E.V. The good memory of a deceased person as an intangible good in the civil law of the Russian Federation and foreign countries. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2014;(9):39–47. (In Russ.)
12. Shergunova E.A. The right to be forgotten as a personal right of an individual. In: Bogdan V. V. *Chastnoe pravo v evolyucioniruyushchem obshchestve: tradicii i novacii: sbornik nauchnyh statej 2-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora V. N. Suslikova = Private law in an evolving society: traditions and innovations: a collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor V. N. Suslikov*. Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2020. P. 255–261. (In Russ.)
13. Voynikanis E.A. Intellectual property law in the digital age. Balance and flexibility paradigm. Moscow: Jurisprudence; 2014. 821 p. (In Russ.)
14. Romanova A.L. Technologies of digital reincarnation of personality in relation to the right to “digital death”. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*. 2022;(4):211–217. (In Russ.)
15. Gurkovskaya M.I. Account inheritance: problems and development prospects. *Nauchnyj aspekt = Scientific aspect*. 2020;(2):523–527. (In Russ.)

16. Abrosimova E.A., Vlasenko V.E. Inheritance of accounts in social networks in Germany and Sweden. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2022;(2):452–468. (In Russ.)
17. Kop'ev A.V. Digital inheritance. In: *Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Actual problems of private and public law: collection of scientific works of All-Russia scientific-practical conference*. Volgograd: Volgograd. akad. MVD Rossii; 2020. P. 71–73. (In Russ.).
18. Lazarenkova O.G. On the issue of digital rights, as well as a digital account in hereditary legal relations. *Nasledstvennoe pravo = Hereditary law*. 2019;(3):24–27. (In Russ.)
19. Yatsenko T.S. Problems of civil regulation of the posthumous use of intangible goods. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2023;(7):35–46. (In Russ.)
20. Panarina M.M. Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance: legal research. *Nasledstvennoe pravo = Hereditary law*. 2018;(3):27–28. (In Russ.)
21. Bordyugovskaya A.A. Problems of inheritance of digital property. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij = Journal of Legal and Economic Research*. 2023;(3):107–113. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Alins1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6998-930X

Inna S. Alikhadzhiyeva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Alins1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6998-930X